

Туралина Неонила Альфредовна, Ольхова Оксана Николаевна

СТИХИЯ ОГНЯ В ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ ИРИНЫ МУРАВЬЕВОЙ

В статье исследована индивидуально-авторская специфика цветообозначений в художественном дискурсе Ирины Муравьевой. Колористическая лексика стихии огня рассматривается как одна из доминирующих, поэтому она является существенной частью цветовой картины мира писательницы. В работе также изучены особенности функционирования образных наименований стихии огня в языке художественной прозы Ирины Муравьевой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/4-1/57.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22): в 2-х ч. Ч. I. С. 201-207. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82

Филологические науки

В статье исследована индивидуально-авторская специфика цветообозначений в художественном дискурсе Ирины Муравьевой. Колористическая лексика стихии огня рассматривается как одна из доминирующих, поэтому она является существенной частью цветовой картины мира писательницы. В работе также изучены особенности функционирования образных наименований стихии огня в языке художественной прозы Ирины Муравьевой.

Ключевые слова и фразы: колоративная лексика; цветонаименования; цветовая картина мира; стихия огня; дискурс; метафора; сравнение; эпитет.

Туралина Неонила Альфредовна, д. филол. н., проф.

Ольхова Оксана Николаевна

Белгородский государственный институт искусств и культуры

oolhova@bk.ru

СТИХИЯ ОГНЯ В ЯЗЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ ИРИНЫ МУРАВЬЕВОЙ©

Цветовое восприятие объектов реальной действительности является самым ярким визуальным качеством, воспринимаемым человеком, поэтому исследование цвета всегда привлекало внимание исследователей в разных отраслях науки. Цвет является «свойством тела вызывать зрительное ощущение в соответствии со спектральным состоянием отражаемого или испускаемого им видимого излучения, окраской», свет же представляет собой «электромагнитное излучение, воспринимаемое глазом и делающее видимым окружающий мир» [2, с. 458]. В связи с этим цвет становится объектом исследования многих научных дисциплин: физики, математики, биологии, медицины, психологии, филологии и др.

Изучение наименований цвета, семантики цветовой лексики начинается уже в XVIII в., когда цвет являлся средством выражения авторского «я» и украшением художественного текста. В XX в. лингвисты довольно часто обращались к колоративам, изучая их в различных аспектах: рассматривались семантика цветовой лексики [5], узуальные цвета [1], история развития цветообозначений [2]. Учеными изучались наименования цвета, входящие во фразеологические единицы и используемые в различных жанрах фольклора [6], исследователи обращались к сопоставлению цветowych номинаций на материале различных языков, отмечая лингвокультурологические особенности цветоименований [10].

Цветообозначения играют важную роль в художественном тексте, являясь средством воплощения идейно-художественного содержания, своеобразным выразителем мировидения автора, позволяя делать выводы об особенностях его творчества. Номинации цвета являются ярким фрагментом национально-языковой картины мира, так как этот пласт лексики сформировался на протяжении всего исторического развития языка. В художественном тексте цвет воплощается через слово, связь цвета с эмоциональной сферой автора обладает потенциальными возможностями выражения чувств. Семантика цветowych номинаций обусловлена мировосприятием автора и является одной из составляющих его картины мира. Мир цвета в современной литературе – это особое явление, которое связано с окружающими нас реалиями и миром эмоций героев. В связи с этим представляет особый интерес описание цветовой картины мира различных авторов в контексте художественного дискурса XXI века.

Стихия – это одно из первоначальных, один из основных элементов природы, которая с древнейших времен присутствует во всех сферах человеческой жизни. Стихия огня лишена какой-то определенной формы и тождественна сама по себе. Некоторые исследователи считают, что огонь – это основа стихии.

Для философа Гераклита первоначалом всего сущего стал огонь, который способен стать как источником жизни, разгоревшись, так и разрушительным началом: «везде огонь: все – от огня, из огня, из-за него [7, с. 58].

Убедительны в этом смысле рассуждения Э. Кассирера, который считал, что «огонь «сам по себе» в своем постоянном движении от центра стремится вверх. Между местом огня и местом земли есть область воздуха и воды» [8, с. 28].

Определяющую роль стихия огня играла и в жизни славян, яркое подтверждение этому можно найти в мифах как одной из форм познания мира и самопознания. Так, по словам М. М. Маковского, «диалектика мифа состоит именно в том, что человек как бы “растворяет” себя в природе, сливается с ней и овладевает силами природы лишь в воображении; вместе с этим это овладение силами природы означает начало истории “духа” и конец чисто животного бытия» [9, с. 15].

В народных представлениях огонь – одна из основных стихий мироздания. Он противопоставлен воде и одновременно сближается с ней по признакам бесформенности и текучести. В фольклоре и обрядности огонь сжигает, уничтожает и одновременно возрождает к новой жизни, очищает, возвращает молодость и здоровье. Огонь воспринимался и как адресат языческого культа, и как посредник между человеком и божеством [3, с. 265].

Таким образом, огонь как некое положительное начало может символизировать источник жизни, божественную силу и спасение, обладать целебными свойствами. Однако огонь является символом губительной силы.

В связи с этим колоративный спектр, сопровождающий описание огня, всегда полон основных цветов и оттенков, в зависимости от функциональной направленности образа.

Современная женская проза имеет свои традиции и особую специфику в создании цветовой картины мира в контексте стихий. Палитра цвета по-разному представлена в текстах авторов-женщин. В этой связи весьма актуальным становится цветовое мировосприятие писательниц сквозь призму стихий: вода, земля, огонь, воздух [18, с. 75]. Особый интерес представляет образ огня как яркой и многогранной стихии в языке художественной прозы И. Муравьевой.

Колоративная лексика в прозе Ирины Муравьевой – уникальное явление женской прозы. Для репрезентации цвета стихии огня автором используются основные, оттеночные и косвенные цветоименования. Основные цвета и их оттенки в художественной прозе писательницы представлены номинациями в прямом значении – красный, черный, желтый, оранжевый, белый, но самыми частотными в функции описания огня являются лексемы *алый*, *красный*, *красный*, *красный*, *красный*, *красный*: «вглядываясь, он видел вдали *голубоватый* огонь костра» [12, с. 89]; «*желтоватое* пламя трепетало от малейшего дуновения ветра» [11, с. 43]; «*алый* огонь все разгорался» [14, с. 107]; «*красное* пламя выделялось ярким пятном в темноте леса» [13, с. 23].

Репрезентанты стихии «Огонь» в языке прозы И. Муравьевой достаточно активно функционируют в составе различных тропов или сами выступают в роли изобразительных средств (эпитетов, сравнений, метафор), являясь неисчерпаемым материалом для создания образной модели мира.

Эпитет в произведениях И. Муравьевой является одним из ярких средств отражения мировидения автора, создания точных и многогранных образов. Именно в эпитете личность автора отражена в широкой гамме чувств, эмоций, представлений о реалиях мира.

В художественном дискурсе И. Муравьевой прилагательные со значением цвета, описывающие огонь, чаще номинируют основной цвет или его оттенок (желтовато-розовый, бело-голубой, ярко-алый) с целью создания особой психологической атмосферы: «прозрачный *бело-голубой* огонь был почти невидим, но вокруг него заметно колыхались потоки воздуха» [14, с. 231]; «*желтовато-розовое* пламя было заметно всем прохожим, и его разрушающая сила давала о себе знать» [15, с. 87].

Стихия огня в художественном тексте И. Муравьевой представлена наименованиями оттеночных колоративов в прямых и образных номинациях (метафорический эпитет).

Прямые номинации: «она долго наблюдала за непоколебимым спокойствием *синевато-белого* огонька свечи» [13, с. 49]; «я представил себе бьющееся сердце умирающего сквозь *ярко-желтые* искры уничтожающего на своем пути пламени» [11, с. 97].

Образные номинации – эпитеты: «костер вдруг превратился из маленького светлого огонька в *лилово-красное* зеркальное *месиво*» [12, с. 231]; «он все еще видел во сне этот неугасаемый *нежно-красный* огонь надежды» [16, с. 187].

Метафора представляет собой один из сложных феноменов художественного текста, традиционно занимающих особое место в исследованиях лингвистов.

Репрезентанты стихии «Огонь» в произведениях И. Муравьевой активно вовлекаются в метафорический процесс, что позволяет автору создавать интенсивные и оригинальные образы, повышающие экспрессивность художественного текста. Метафора в языке прозы писательницы довольно часто имеет в своем составе цветовую лексику: «ночь незаметно вошла в город, оставив *желтое золото* костров по берегам реки» (*желтое* – прямое значение, *золото* – переносное) [17, с. 91]; «вечер был прекрасным, лишь только *алая* кровь огня в камине навела тяжелые воспоминания юности и безвозвратного прошлого» (*алая* – прямое значение, *кровь* – переносное) [15, с. 108].

Таким образом, цвет в метафоре представлен прилагательными в прямом значении, однако в метафорическом компоненте существенную роль играет элемент цвета.

Цвет в метафоре может быть представлен как одним из ее компонентов, так и дополнительным определением. Но чаще цвет появляется при совмещении тропов метафоры и эпитета: «отчетливо были заметны остатки от пожара, и *ярко-алый* *огненный* клин пламени еще полыхал, давая о себе знать» [14, с. 296]; «огонь все не унимался, представляя собой *ярко-бордовый* *горящий* шар» [18, с. 122].

В текстах И. Муравьевой цветовая лексика в составе сравнений единична, но чаще присутствует эпитет: «этот *огонь*, словно огромное движущее и набирающее силу *ярко-бордовое* чудовище, продолжал пожирать своей страшной пастью бока молодых берез и сосен» [13, с. 134]; «тихий летний дождь тяжелым *покрывалом* постепенно укутывал *голубовато-багряные* искры огня» [17, с. 68].

Таким образом, анализ текстового материала произведений писательницы позволяет говорить о наличии взаимосвязи между различными тропами, в составе которых широко функционируют наименования стихии «Огонь». В контекстуальное взаимодействие вступают различные виды тропов (метафора, олицетворение, сравнение), что позволяет вносить в семантику образа огня дополнительные оттенки, добиваться большей выразительности и яркости.

В результате проделанной работы мы выяснили, что номинации стихии огня в прозе И. Муравьевой присутствуют при описании самой стихии (костер, пламя, фитиль), состояния природы (пожар), эмоционального состояния человека (переживание, радость, горечь). Это позволяет выявить и описать индивидуально-авторскую цветовую картину мира писательницы, понять особенности ее идиостиля.

Список литературы

1. Алимпиева Р. В. Цветообраз: семантика и проблемы художественного перевода // Актуальные проблемы лингвистической семантики и типологии литературы: материалы междунар. науч. конф., посвященной 50-летию образования Калинингр. области (Калининград – Зеленоградск, 26-28 апреля 1996 г.). Калининград, 1997. С. 3-24.
2. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 286 с.
3. Белякова Г. С. Славянская мифология. М.: Элиста, 2001. 346 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
5. Василевич А. П. Цвет и его название: развитие лексики цветообозначений в современной России // Вестник РФФИ. М.: Время, 2000. № 1. С. 56-61.
6. Голубева Е. В. Цветоконцепт красный «улан» в фольклоре калмыков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1). Ч. II. С. 22-25.
7. История философии: Запад – Россия – Восток. М.: Наука, 1995. Т. 1. 243 с.
8. Кассирер Э. Избранное: индивид и космос. М. – СПб.: Веста, 2000. С. 7-269.
9. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М.: Современник, 1996. 415 с.
10. Молибога Г. Л. Цветообозначения, образованные от имен собственных // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18). Ч. II. С. 130-134.
11. Муравьева И. Барышня: роман. М.: Эксмо, 2011. 320 с.
12. Муравьева И. День ангела: роман. М.: Эксмо, 2011. 352 с.
13. Муравьева И. Мы простимся на мосту: роман. М.: Эксмо, 2012. 320 с.
14. Муравьева И. Напряжение счастья: повести и рассказы. М.: Эксмо, 2011. 320 с.
15. Муравьева И. Портрет Алтовити: роман. М.: Эксмо, 2010. 384 с.
16. Муравьева И. Сусанна и старцы. М.: Эксмо, 2012. 320 с.
17. Муравьева И. Холод черемухи: роман. М.: Эксмо, 2012. 320 с.
18. Туранина Н. А. Современная женская проза: взгляд лингвиста. Белгород, 2009. 126 с.

FIRE ELEMENT IN FICTION OF IRINA MURAV'eva

Turanina Neonila Al'fredovna, Doctor in Philology, Professor
Ol'khova Oksana Nikolaevna
Belgorod State Institute of Arts and Culture
oolhova@bk.ru

The authors research the individual-authorial specificity of colour naming in the artistic discourse of Irina Murav'eva, consider the coloristic vocabulary of fire element as one of the dominant, conclude that it is an essential part of writer's colour picture of the world, and also study the peculiarities of the figurative names of fire element in the language of Irina Murav'eva's fiction.

Key words and phrases: colourative vocabulary; colour naming; colour picture of the world; fire element; discourse; metaphor; comparison; epithet.

УДК 81-23

Филологические науки

В статье мотивированность и репрезентативность рассматриваются как важнейшие свойства формальных и семантических знаков языка, обеспечивающие его жизнеспособность и коммуникативную пригодность. Раскрывается понятие внешней и внутренней мотивированности, которое выводится с опорой на трехуровневую стратификацию языка Л. М. Васильева. Язык предстает как полимотивированная система, поскольку в любой момент времени практически каждый его знак обусловлен каким-либо экстра- и/или интралингвистическим мотиватором.

Ключевые слова и фразы: мотивированность языка; репрезентативность; формальные, семантические знаки языка; лингвосомиотика.

Хазимуллина Елена Евгеньевна, к. филол. н.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
lenahk@gmail.com

МОТИВИРОВАННОСТЬ И РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ
КАК ВАЖНЕЙШИЕ СВОЙСТВА ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ©

В последнее время язык чаще всего понимается как социально обусловленная, исторически сложившаяся и вместе с тем закономерно развивающаяся знаковая система, служащая главным средством человеческого

общения, реализованная в устной и/или письменной форме. Подводя итоги семиотических исследований, Ю. С. Степанов отмечает: «...каких-либо общих знаков для... языка, архитектуры, коммуникации животных и т. д. не обнаружено. Общность заключается в принципах организации знаков...» [11, с. 7]. Как и иные знаковые системы, естественный человеческий язык предназначен для передачи информации, информативность – свойство, характеризующее все знаки действительности. Другое универсальное их свойство – включенность в знаковую ситуацию, в связи с чем Ч. Моррис подчеркивает: «...нечто есть знак только потому, что оно интерпретируется как знак чего-либо некоторым интерпретантом» [6, с. 48]. Специфика же языковой знаковой системы определяется ее высокой социальной значимостью, сложной структурной организацией, способностью к постоянному развитию, полифункциональностью и особой природой знаков.

По справедливому замечанию Л. М. Васильева, менее убедительной является билатеральная лингвосомиотическая концепция (Ф. де Соссюра и его последователей), поскольку «нельзя объединять в составе одного знака совершенно разнородные по своей природе и по своим функциям единицы языка (фонетические и семантические)», а из двух вариантов унилатеральной теории, восходящих к идеям Ч. Пирса, предпочтительнее та, которая как знаки представляет не только фонетические, но и семантические единицы, «ибо она позволяет рассматривать язык в целом как знаковую систему» [3, с. 13]. Главный аргумент данной теории – наличие асимметрического дуализма в языке: во-первых, одно и то же значение может быть выражено разными языковыми формами (*дом отца – дом, принадлежащий отцу – дом, который принадлежит отцу – отцов дом*); во-вторых, формы и значения в истории языка часто изменяются независимо друг от друга (**kvěť → цвет; лес ‘множество деревьев’ → лес ‘множество чего-либо поднятого, устремленного вверх’*); в-третьих, в языке имеются асемантические формы (*тормашками, впросак, делать, буженина*); в-четвертых, в силу неизоморфности формы и значения многие единицы языка идиоматичны (ср.: существительное *часы (наручные, настенные)* имеет форму мн.ч., но способно обозначать один предмет; *мебель* – собирательное существительное, имеющее форму ед.ч., но обозначающее класс, совокупность предметов; сочетание слов *во что бы то ни стало* имеет одно значение ‘обязательно’). Таким образом, язык – это сложная система формальных и содержательных знаков, характеризующихся не только универсальными, но и специфическими знаковыми свойствами. Не нуждаются в дополнительном описании такие свойства языковых знаков как социальность (социальная обусловленность), дискретность (членимость знака на составные компоненты) и структурность (связь знака с парадигмами и синтагмами языка): они хорошо изучены современной лингвистикой. Однако по-прежнему спорным является тезис о мотивированности / произвольности знаков языка и их репрезентативности.

Говоря о произвольности языкового знака, Ф. де Соссюр исходил из того, что в разных языках одни и те же предметы действительности обозначаются по-разному, связь между означающим и предметом действительности он считал столь же условной, сколько и связь между означающим и понятием, а язык в целом – «произвольным установлением» [9, с. 99-101]. Э. Бенвенист, напротив, доказывал, что означающие с необходимостью вызывают закрепленные за ними в языке представления (означаемые), а потому связь между ними «непроизвольна... она необходима», т. е. мотивирована [1, с. 92]. Однако, как верно отмечает Л. М. Васильев, «функциональная необходимость связи между означающим и означаемым отнюдь не исключает ее произвольности в указанном Соссюром смысле» [3, с. 16]. Думается, что вопрос о мотивированности знаков языка является дискуссионным во многом из-за неоднозначности трактовки самого термина «мотивированность»: 1) как соответствия формы единицы языка действительности, 2) как соответствия действительности ее содержания, 3) как внутреннего соответствия формы ее содержанию, 4) как обусловленности одного знака другим или другими, 5) обусловленности единиц языка интенциями говорящего, контекстом речи и т. д. Не случайно лингвисты делали контрастные заключения по проблеме мотивированности / произвольности языковых знаков. В. М. Солнцев, к примеру, писал: «Если считать, что значение есть отражательная категория, то, следовательно, оно мотивировано отображаемым явлением (или явлениями). В силу своей мотивированности значение не позволяет слову в целом быть немотивированным, или произвольным, явлением. Произвольным, или немотивированным, в слове остается его звучание, связь которого со значением слова произвольна... такая характеристика знака, как его произвольность, неприменима к слову в целом» [8, с. 101]. Б. А. Зильберт, напротив, утверждал, что «языковой знак ни в каком отношении не является произвольным. Знаковая система языка мотивирована системой элементов общественного сознания (концептов), которые, в свою очередь, детерминированы реальными предметами действительности (денотатами)», хотя знаком он считал только звуковой комплекс – одностороннюю сущность [4, с. 27]. Наличие в языках и знаков-символов, и иконических знаков, и знаков-индексов, по классификации Ч. Пирса, привело большинство ученых к признанию относительной системной мотивированности, подтвердившему наблюдению, сделанное ранее Ф. де Соссюром: «Не существует языков, где нет ничего мотивированного; но нелегко себе представить и такой язык, где мотивировано было бы все. Между этими двумя крайними точками — наименьшей организованностью и наименьшей произвольностью — можно найти все промежуточные случаи» [10, с. 31] (заметим, что Соссюр считал абсолютной «косистемную мотивированность» языковых знаков, он признавал также их мотивированность языковой способностью индивида, ассоциативным механизмом мышления, коллективным разумом и бессознательным, совокупностью речевых традиций [Там же, с. 29-31, 47, 113]; эта часть его учения чаще всего остается в тени).

Наше исследование, направленное на выявление всевозможных внешних и внутренних факторов, обуславливающих формальные и содержательные знаки языка, в целях создания общей лингвистической

теории мотивации позволило выработать более широкое определение мотивированности как относительной синхронно-диахронической (взаимо-)обусловленности формальных, семантических, значимостных и функциональных свойств языковых и речевых единиц, а также обусловленности этих видов языкового знания субъективными и объективными представлениями человека о действительности, его витальными, социальными потребностями и психофизиологическими возможностями. Необходимо подчеркнуть, что явление мотивированности языковых знаков друг другом, системой языка в целом, мышлением, психикой человека и действительностью не исчерпывается лишь причинно-следственными отношениями (конструкция *Набежали тучи, пошел дождь* — следствие устройства реальной действительности; абсурдна обратная взаимосвязь: «*Пошел дождь, набежали тучи*», так как здесь нарушается временная последовательность событий; причина английского выражения *foot of a list* ‘нижняя часть списка’ в реальном сходстве обозначаемых предметов *foot of a mountain* ‘подножие горы’ и *foot* ‘нога, нижняя конечность тела’). К мотивационным следует относить любые отношения обусловленности; к примеру, образование новых единиц по узуализованным моделям – процесс, конечно, мотивированный, но наличие в языке образца, модели не является причиной создания новых слов, конструкций, ср.: слово *приземлиться* не является причиной слов *прилуниться* или *примарситься*, возможны также *присатурниться*, *приплутониться*, *принептуниться* и т. п. Ударение в варианте *катал'ог* обусловлено акцентологической моделью слова *диал'ог*, с другой стороны, разговорно-просторечные варианты *кат'алог*, *ди'алог* мотивированы узуализованной моделью *ан'алог*. С данной точки зрения, язык представляется более мотивированной, чем произвольной системой, поскольку в любой момент времени практически каждый его знак мотивирован каким-либо из выделяемых нами типов внешней и/или внутренней обусловленности (см. [12]).

Мотивированность знаков языка не есть их отражательность, понимаемая в сосюрвовском смысле: слово «*береза*» не есть отражение березы, а «*söstra*» – сестры или «*cow*» – коровы (ср.: Г. В. Колшанский полагал, что «языковое означивание, представленное в отдельном элементе – знаке и осуществляемое по законам номинации, есть вторичное существование вещи, по своему существу адекватное отражение этой вещи» [5, с. 7]). Языковые формы и значения по-разному связаны с действительностью, Б. А. Серебренников адекватно описывает эту взаимосвязь: «Звуковой комплекс, образующий слово, ни к какому отражению сам по себе не способен¹. Фактически результатом отражения являются концепты, или понятия. Язык связан с действительностью через знаковую соотношенность» [7, с. 75-76].

Таким образом, знаки языка выполняют репрезентативную функцию по отношению к внеязыковому, мыслительному содержанию и действительности: явления действительности → (=репрезентируются) понятиями (концептами) → языковыми значениями → формальными знаками языка. Поскольку человек познает мир в соответствии с определенным уровнем развития общественного сознания, практическими нуждами, в конкретном национально-культурном контексте, с помощью средств исторически сложившейся языковой системы, результаты репрезентации могут быть не вполне объективными, адекватными действительности, несмотря на то, что всякий раз они мотивированы (=обусловлены) теми или иными внешними и/или внутренними факторами. Весьма показательны в этом плане сопоставления номинаций в различных языках, ср. например: рус. *повесить нос* ‘грустить’, польск. *spuścić nos na kwinte* ‘повесить нос на квинту’ и англ. *to be in blues* ‘хандрить, находиться в унынии, меланхолии’ (*blues* – сокращение *blue devils*, первичное значение *blue* – ‘голубой, синий’, *devils* – ‘дьяволы’, дополнительная синхронная ассоциация – *blues* ‘блюз – грустная, депрессивная музыка’, ср. также рус. *тоска зеленая*); рус. *базарная баба* соответствует англ. *noisy woman / fishwife* ‘шумная женщина’ / ‘торговка рыбой’), а рус. *смотрит как баран на новые ворота* – англ. *he looks quite lost* (‘он выглядит совершенно потерянным’). Образность языка субъективирует картину миру. Обращают на себя внимание и идиоматические слова, структура которых фиксирует значения схематично, неполно или даже противоречиво: *выпянуть* – ‘выставить, выдвинуть вперед’, при этом значение корня *пят-* ‘двигать(ся) назад’ – противоречит семантике приставки *вы-* ‘выделить(ся) из чего-н., направить(ся) наружу посредством действия, названного мотивирующим глаголом’; *заключенный* – ‘человек, который находится в заключении, под арестом’, значение корня *ключ-* – ‘металлический стержень для запирающего и отпирающего замка’, а значение приставки *за-* – ‘совершить действие, названное мотивирующим глаголом’ – остается невыраженным в структуре слова семантический признак ‘под стражу, под арестом’ и ‘лишен свободы’; лексическое значение *доменная* – 1. ‘печь, то же, что домна’ и 2. ‘шахтная печь для выплавки чугуна’ – слово образуется от *домна* со значением ‘печь’. В значении слова *домна*, а значит и *доменная*, скрытой является сема ‘большая’ (это этимологический признак, ср. исторически родственные слова: *вздымать*, *надменный*), корень же *домен-* указывает на отношение к домне, а значение суффикса *-н-* – ‘относящийся к тому, что названо мотивирующим словом’. Лексическое значение слова *смертник* – 1. ‘тот, кто приговорен к смертной казни’, 2 ‘тот, кто обречен или обрекает себя на смерть’. В структуре слова остается невыраженной сема ‘приговорен’ или ‘обречен’ (*смерт-* – ‘прекращение жизнедеятельности организма’, *-ник-* – ‘лицо, характеризующееся отношением к явлению, названному мотивирующим словом’, т.е. к смерти). Корнем *тюрем-* выражается лексическое значение ‘нечто, имеющее отношение к тюрьме’, словообразовательное значение суффикса *-щик-* – ‘лицо, характеризующееся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом’, латентным здесь является компонент ‘надзиратель’. Возможно множественное прогнозирование семантики данной единицы: тот, кто заключен в тюрьме, кто смотрит за

¹ Исключение из этого правила, как известно, составляют звукоподражательные и звукоименные знаки.

заклученными, кто готовит им еду или шьет, стирает одежду и т.п., – представляется странным, что тюремщиком называется именно надзиратель, а не тот, кто сидит в тюрьме.

Итак, репрезентативность – важнейшее свойство языковых знаков, причем репрезентация не всегда есть отражение действительности, тем более полное, адекватное. Помимо отражательных знаков-образов и формальных знаков-символов в языках имеются дейктические единицы – знаки-индексы («репрезентанты-указатели»). Н. Ю. Шведова к дейктикам отнесла местоимения и некоторые классы глаголов [13, с. 9-10], Л. М. Васильев расширил этот круг: дейктическими он считает также категориальные значения частей речи и значения некоторых морфологических и синтаксических форм (предлогов, побудительных, вопросительных и др. конструкций). Все эти знаки в языке имеют какие-либо очень общие понятия, а в речи указывают на конкретные референты или на отношения между конкретными референтами, в силу чего они «образуют ядро семантической системы всех языков мира (независимо от их типа)» [2, с. 5-7]. Круг названных явлений можно дополнить также следующими примерами: русское местоимение *это* образует в устной разговорной речи ряд «универсальных» дейктических дериватов – *этовать, разэтовать, приэтовать, перэтовать, такая-разэтакая* и т.п.; ср. также *Вот-те раз!*; *Надо же было бежать! – Я раз туда!*; *А он ее фигакс!* и др. Дейктики в большей степени чем другие знаки языка мотивированы речевой ситуацией и интенцией говорящего, область их референций является самой широкой.

В заключение необходимо отметить, что язык является жизнеспособным средством общения людей, прежде всего, в силу его полимотивированности, множественной, разнофакторной обусловленности, с одной стороны, и репрезентативности, т. е. способности вмещать в себя любое содержание, – с другой.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / пер. с фр.; общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. Изд-е 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2002. 448 с.
2. Васильев Л. М. О природе дейктических значений // Лингвистический семинар: Межвузовский сборник научных статей. СПб. - Бирск, 2001. Вып. 3. С. 3-7.
3. Васильев Л. М. Теория и методология современного языкознания. Принципы знаковости и формальности языка: уч. пос. Уфа: Изд. Баш. гос. ун-та, 1990. 60 с.
4. Зильберт Б. Мотивированность языковых знаков; опыт типологии // Вопросы семантики. Калининград: КГУ, 1976. Вып. 3. С. 26-34.
5. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. 107 с.
6. Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика: антология / сост. Ю. С. Степанов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 45-97.
7. Серебренников Б. А. Язык отображает действительность или выражает ее знаковым способом? // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 70-87.
8. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1976. 294 с.
9. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
10. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Лингвистика XX в.: система и структура языка: хрестоматия / сост. Е. А. Красина. М.: Изд-во РУДН, 2004. Ч. I. 651 с.
11. Степанов Ю. С. В мире семиотики // Семиотика: антология / сост. Ю. С. Степанов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 5-42.
12. Хазимуллина Е. Е. Типы внешней и внутренней мотивированности языковых единиц (на материале русского и некоторых других языков): дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2000. 214 с.
13. Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над Русским семантическим словарем // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 3-17.

MOTIVATION AND REPRESENTATIVENESS AS THE MOST IMPORTANT PROPERTIES OF LANGUAGE SIGNS

Khazimullina Elena Evgen'evna, Ph. D. in Philology
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla
lenahk@gmail.com

The author considers motivation and representativeness as the most important properties of formal and semantic language signs ensuring its viability and communicative suitability, reveals the notion of external and internal motivation, which is derived from three-level stratification of language by L. M. Vasil'ev, and shows language as poly-motivated system, since at any given time its almost every sign is conditioned by some extra- and/or intra-linguistic motivator.

Key words and phrases: language motivation; representativeness; formal, semantic language signs; linguo-semiotics.

УДК 81' 373.46

Филологические науки

В данной статье рассмотрено семантическое развитие лексем строительной англоязычной терминологии. Проведен этимологический анализ лексических единиц строительной терминологии. Для проведения этимологического анализа использовался метод этимологического шкалирования, путем построения шкал, которые отражают истоки, развитие во времени и современное состояние анализируемого термина, а также динамику представлений о соответствующей референтной области. Посредством данных шкал рассмотрены ключевые термины семи тематических микрополей, с целью выявить семантические процессы для преобразования терминов.

Ключевые слова и фразы: лексема; термин; этимологическая шкала; терминологизация; детерминологизация; метафоризация; транстерминологизация.

Хакиева Залиха Усмановна*Чеченский государственный университет**Zalikh_khakieva@mail.ru***ДИНАМИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В СЕМАНТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КЛЮЧЕВЫХ ЛЕКСЕМ
В СИСТЕМЕ СТРОИТЕЛЬНОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ©**

Язык усваивается человеком с раннего детства как хорошо отлаженный механизм, хотя, как известно, становление и развитие языка представляют собой длительный диалектический процесс, проходящий на протяжении тысячелетий. Говорящий обычно не отдает себе отчета в тех сложных и противоречивых явлениях, которые привели к возникновению, исчезновению или сохранению тех или иных элементов языка, к возможности или невозможности языковых изменений. Динамика семантики слов отражает развитие способов мышления человека, его пристрастия и традиции. Несмотря на то, что слова являются немymi свидетелями эволюции человечества, исследователи пытаются разгадать тайну значений слова, поскольку именно они позволяют понять их происхождение и проникнуть в закономерности процессов номинации. В этой связи необходимо обратить внимание на важность исследования не только истории слов как таковых, но и тех особых словообразовательных, семантических и формальных связей, которые устанавливаются между различными элементами словаря в синхронии [1; 8, с. 16].

Этимология теснейшим образом связана со многими разделами языкознания. Без данных этимологии трудно, а иногда и просто невозможно разобраться в сложных изменениях, происходящих в семантике слов в их историческом развитии. Многие вопросы словообразования решаются с опорой на данные этимологии. Обращаются к этимологии и исследователи морфологии, особенно в тех случаях, когда речь идет о парадигме частей речи, о морфемной структуре слова [4, с. 8].

Семантика современного термина и его этимология могут находиться в сложных отношениях друг с другом. В одних случаях они совпадают, то есть находятся в отношениях прямой взаимообусловленности, в других - современное значение как бы вырастает из этимологического обиходного значения древнего слова, надстраивается над ним, как на своей образной основе, помогая пониманию термина; в некоторых случаях между исходным и производным значениями возникает противоречие, и современная семантика термина полностью не соответствует этимологии, что позволяет выявлять ошибочные представления прошлых времен. Некоторые из перечисленных зависимостей можно найти и в исследуемой нами англоязычной строительной терминологии. В настоящей статье мы ставим целью проследить некоторые динамические тенденции, характерные для данной терминосистемы в ее историческом развитии, в частности, определить соотношение процессов терминологизации, детерминологизации и ретерминологизации в эволюции строительной терминологии. Для достижения поставленной цели проследим изменения, происходившие в семантической структуре ключевых для исследуемой терминологии лексем.

В нашем исследовании с синхронной точки зрения мы выделили в в строительной терминологии семь тематических микрополей – *concrete/concrete constructions, building constructions, construction tools, construction processes, construction machines, construction materials, construction professions*. Ключевые термины вышперечисленных тематических групп были подвергнуты этимологическому анализу с целью реконструкции первичной мотивации и семантической динамики. Все проанализированные лексемы являются ключевыми для соответствующих микрополей, поскольку *семантика полевой доминанты эксплицитно представлена в дефинициях данных единиц*. Доминанта определяется как наиболее общее (нейтральное) слово, входящее в состав группы (микрополя) [2, с. 46]. К примеру, термин *building*, объединяющий микрополе «*building constructions*». Согласно словарю, данная лексема имеет дефиницию: *a structure with a roof and walls, such as a house or factory; something built with a roof and walls, such as a house or factory* [11]. Доминантность полевой семы основывается на частотности встречаемости этого компонента в семантике других лексем [6],